

Б. А. СЕРЕБРЕННИКОВ (Москва)

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПАЛЕОНТОЛОГИИ УРАЛЬСКОЙ РЕЧИ

Как известно, термин палеонтология речи широко применялся в работах Н. Я. Марра. Связанный с областью языкознания, направленной на выявление и изучение различных особенностей древней человеческой речи, этот термин, конечно, имеет право на существование. Однако безудержная фантазия Н. Я. Марра, подкрепляемая антинаучными методами исследования, настолько подавила интерес к изучению этой проблемы, что начиная с 1950 года в наших лингвистических журналах почти совершенно перестали появляться статьи по палеонтологии речи.

Язык — явление, исторически развивающееся. Его состояние, отделенное от нас тысячелетиями, вероятно, было не похоже или мало похоже на современное. Возможно, существовали какие-то специфические конструкции, имевшие определенное содержание, которые позднее могли быть переосмыслены или утратились, оставив трудно уловимые следы. Разыскание утраченных языком явлений и составляет главную задачу исследований в области палеонтологии речи.

В статье сделана попытка реконструкции некоторых особенностей древней речи уральских народов.

В истории уральских языков был период, когда отсутствовала форма множественного числа. Реконструкция архаических форм мордовского объектного спряжения позволяет выявить в структуре глагольных форм показатели объекта, которые по числам не различались, что может быть представлено в виде таблицы.

Ряд объекта	Показатель	
	Ед. число	Мн. число
меня	<i>m</i>	<i>m</i>
тебя	<i>t</i>	<i>t</i>
его	<i>s</i>	<i>s</i>

В косвенных падежах множественного числа так наз. неопределенного склонения в мордовских языках показатель множественного числа *t* не употребляется, ср. эрзя-морд. *Весе менелесь велтыязь потмура пельсэ* 'Все небо покрылось хмурыми облаками'. Слово *пельсэ* 'облаками' фактически имеет форму единственного числа.

Можно также предполагать, что и личные глагольные окончания первоначально не различались по числам. Некоторые диалектные данные коми языка явно свидетельствуют о том, что в пермских языках формы отрицательного глагола не имели особых форм множественного числа. В верхневычегодском, летском, лузском, среднесыольском, верхнесыольском, нижневычегодском, вымском, ижемском и удорском говорах отрицательный глагол по числам не изменяется.

Настоящее время. Ед. и мн. число: *og, on, oz*.

Прошедшее время. Ед. и мн. число: *eg, en, ez*.

Позднее в уральских языках появились числовые различия как в имени, так и в глаголе. Система форм личных глагольных окончаний уральского праязыка этого периода обычно реконструируется в следующем виде:

ед. число: 1 л. **mz*, 2 л. **tz*, 3 л. **(sz)*;

мн. число: 1 л. **mzk*, 2 л. **tzk*, 3 л. **(szk)*.

Формы 3-го лица отчетливо не реконструируются. Можно предположить, что их вообще не существовало.

Что касается форм 1-го и 2-го лица множественного числа, то структура их довольно прозрачна. К соответствующим формам 1-го и 2-го лица единственного числа присоединен показатель множественности *k*. Показатель *k* известен и в некоторых современных уральских языках: венг. *város* 'город' : *városok, erdő* 'лес' : *erdők*. В ненецком языке древний *k*, по-видимому, оставил след в гортанном смычком, ср. ненецк. *хой* 'холм' : *хой*". Правомерность использования *k* как показателя множественности, однако, вызывает некоторые сомнения.

В уральских языках было довольно много различных показателей так наз. собирательной множественности. Вышеупомянутый *k* первоначально также был показателем собирательной множественности. Присоединение какого-либо показателя собирательной множественности, по-видимому, зависело от категории предметов. В связи с этим возникает вопрос, на каком основании люди могли быть отнесены к классу предметов, названия которых присоединяют показатель собирательной множественности *k*? Основание для подобной идентификации представить довольно трудно.

Можно предполагать, что прежде всего человек в отношении к себе подобным начал создавать двойственную множественность. Не исключена возможность, что формант *k* в составе личных окончаний **mzk* и **tzk* был древнейшим показателем двойственного числа.

В финно-угорских языках можно найти слова, обозначающие парные предметы, в составе которых обнаруживается формант *k*. В настоящее время этот формант уже прочно вошел в основы слов и может рассматриваться только как десемантизованный детерминатив. Вот эти слова: фин. *jal-k-a*, эст. *jal-g* 'нога' (перв. 'две ноги'), венг. *gyalo-g* 'пешком', эрзя-морд. *ялго* 'пешком' (из *ялг-го*), фин. *ol-k-a* 'плечо' (перв. 'два плеча'), фин. *kyl-k-i* 'бок' (перв. 'два бока'), фин. *ken-k-ä* 'ботинки' (перв. 'два сапога'), ср. эрзя-морд., мар. *кем* 'сапог', эрзя-морд. *пиль-г-е* 'нога' (перв. 'две ноги'), коми-зыр. *ко-к* 'нога' (перв. 'две ноги'), арх. манс. *ме-г-и* 'мы двое', совр. манс. *мен* 'мы двое', венг. *könyö-k* 'локоть' (перв. 'два локтя'), хант. вах. *н'ыла-р* 'восемь' (перв. 'две четверки'), манс. *киты-г* 'двойка, пара' и т. д.

Сюда же, по всей видимости, относится элемент *k*, встречающийся

в финно-угорских названиях числительного «два», ср. фин. *ka-k-si* (*ka-h-te*), коми-зыр. *кы-к*, эрзя-морд. *кавто* (из *ka-p-to*) и т. д.

Древний показатель двойственного числа *k*, по-видимому, позднее утратился, совпав с показателем собирательной множественности *k*. Слова, содержащие этот показатель, были переосмыслены как слова единственного числа, ср. фин. *jalka* 'нога', коми-зыр. *кок* 'нога' и т. д., хотя в некоторых контекстах они и могли иметь значение двойственного числа.

Приведенные данные позволяют сделать вывод о том, что древнеуральские личные окончания 1-го и 2-го лица множественного числа первоначально выражали двойственное число, которое позднее было переосмыслено как множественное.

Поразительный параллелизм обнаруживается также в истории развития личных окончаний 1-го и 2-го лица множественного числа в тюркских языках, ср., ед. число: 1 л. *mi-n* (*my-n*)¹, 2 л. *si-n* (*sy-n*); мн. число: 1 л. *mi-z* (*my-z*), 2 л. *si-z* (*sy-z*).

Элемент *z* в составе личных окончаний 1-го и 2-го лица множественного числа тоже можно рассматривать как древний суффикс двойственного числа, поскольку и он обнаруживается в составе слов, обозначающих парные предметы, ср. тур. *göz-z* 'глаз' (перв. 'два глаза'), татар. *küz*, каз. *köz*, ногайск. *köz*, узб. *köz* 'глаз' и т. д., тур. *omuz-z* 'плечо' (перв. 'два плеча'), тур. *iki-z* 'двойня, близнецы', каз., татар. *mügə-z* 'рог, рога' (перв. 'два рога') и т. д. Личные окончания 1-го и 2-го лица множественного числа в тюркских языках *miz* и *siz* также когда-то были личными окончаниями двойственного числа, позднее переосмысленного как множественное.

*

В глубокой древности от основ личных местоимений в уральских языках формы местных падежей не образовывались, потому что древние люди не могли абстрагировать пространственные отношения от атрибутов человеческого тела. Выражения «во мне», «в тебе» представлялись как «в моей внутренности», «в твоей внутренности» и т. д. В языке эта особенность нашла выражение в виде так наз. послелогов с притяжательными суффиксами, которые иногда неправильно называют послеложно-личными местоимениями, ср. коми-зыр. *вылам* 'на мне', *вылад* 'на тебе', *вылас* 'на нем', венг. *nekem* 'мне', *veled* 'с тобой', *hozgát* 'ко мне', *tölem* 'от меня', *nekünk* 'нам', эрзя-морд. *вакссон* 'рядом со мной', *вакссот* 'рядом с тобой' и т. д.

В связи с развитием абстрактного мышления древний способ заменялся новым. Сначала создаются гибридные образования. Например, в ненецком языке послелоги с притяжательными суффиксами могут сочетаться с личными местоимениями, ср. ненецк. *мань нядан(и)* 'от меня', *пыдар няданд* 'от тебя', *пыда нянда* 'ему' и т. д. Аналогичное явление имеет место в марийском языке, ср. луг.-мар. *мый денем* 'со мной', *тый денет* 'с тобой' и т. д.

В мордовских языках преодоление старого способа тоже выражалось в своеобразной гибридизации старого и нового способов. В мордовских языках возможно образование форм местных падежей от личных местоимений, к этим формам дополнительно присоединяется притяжательный суффикс, ср. эрзя-морд. *тонь-сэ-ть* 'в тебе', *сонь-сэ-нзэ* 'в нем', *тонь-стэ-ть* 'от тебя', *сонь-стэ-нзэ* 'от него', соответственно мокша-морд. *тонь-цо-т* 'в тебе', *сонь-цо-нза* 'в нем', *тонь-цто-т* 'от тебя', *тонь-цто-нза* 'от него'.

¹ Начальный *t* может чередоваться с *b*. Конечный *n* не относится к основе и представляет собой суффиксальный элемент.

В прибалтийско-финских языках этот процесс зашел еще дальше. Например, эст. *minus* или *mus* 'во мне', *temas* или *tas* 'в нем', ижор. *hänez* 'в нем', ср. партитив от личного местоимения фин. *minä* 'я', *minua* 'меня' (перв. 'от меня') и т. д.

*

Различные данные дают основание предполагать, что в глубокой древности причастия в уральском праязыке не были дифференцированы во временном отношении. Это явление можно объяснить следующим образом: в языках агглютинативного типа определение и определяемое могли выражаться сочетанием двух имен существительных, ср. тур. *demir yol* 'железная дорога' (букв.: железо дорога). Первый член этого сочетания мог адъективироваться, утрачивая при этом субстантивные свойства, т. е. от существительного отвлекался признак, который служил определением следующего за ним существительного. Можно предполагать, что возможны были такие сочетания, первый член которых мог быть выражен каким-нибудь отглагольным именем существительным, нечто вроде современного коми-зыр. *вундан дыр* 'время жатвы' или *велёдчан кад* 'время учебы'. От первого члена сочетания, т. е. от отглагольного имени существительного, мог быть также отвлечен динамический признак, ср. коми-зыр. *мунан морт* 'идущий человек'. Первоначально этот признак мог пониматься очень широко. *Мунан морт* могло означать 'идущий человек' и 'человек, который способен идти в любое время'.

Временная специализация причастий в уральских языках, по-видимому, возникла первоначально в конструкциях, в которых к имени, сопровождаемому причастием, могли относиться два действия, принадлежащие к разным временным планам, ср. рус. *приехавший вчера гость, сегодня уехал*.

Можно также предполагать, что и в самих значениях отглагольных имен могли быть оттенки, которые способствовали дифференциации причастий в том или ином временном плане.

В. А. SEREBRENNIKOV (Moskau)

ÜBER EINIGE PROBLEME DER PALÄONTOLOGIE DER URALISCHEN GRUNDSPRACHE

Der Verfasser betrachtet einige archaische Eigentümlichkeiten des uralischen Sprachbaus. Auf der älteren Stufe der Entwicklung der uralischen Grundsprache war die Pluralität im Bereich des Nomens und Verbums unbezeichnet. Das Element *k* in den Personalendungen der 1. und 2. Person des Plurals *mək, *tək ist später erschienen und war ursprünglich ein Dualzeichen. Die Lokalkasus der Personalpronomina waren unmöglich wegen der schwachen Entwicklung des abstrakten Denkens. Die Partizipien hatten eine allgemeine Bedeutung, ohne Andeutung solcher Kategorien wie Zeit und Genus.